

пи, доказывавшими, что лексиконы на кумысѣ не были въ употребленіи, потому что классики наконецъ утратили интересъ.

По возвращеніи домой Левъ Николаевичъ, вспоминая Башкиръ, заинтересовался ихъ религіею и прочелъ Коранъ на французскомъ языкѣ.] 37

38 [На кумысѣ Левъ Николаевичъ высмотрѣлъ продававшееся тамъ имѣніе и въ слѣдующемъ году купилъ двѣ тысячи десятины земли. Туда былъ посланъ Яснополянской крестьянинъ для хозяйства и постановки хутора; а черезъ два года мы всей семьей поѣхали туда провести лѣто.

На это лѣто въ имѣніе былъ приглашенъ за плату Башкиръ изъ той же деревни Каралыка съ табуномъ дойныхъ матокъ. Онъ привезъ свою жену и кочевью въ небольшой телѣжкѣ, а работникъ его пригналъ табунъ нашихъ кормилицъ съ ихъ жеребятами, которыхъ на цѣлый день обыкновенно привязывали такъ, чтобы они не могли сосать, и только на ночь отвязывали ихъ на свободу.

Старикъ Башкирецъ, Мухамедъ-Шахъ, а по отечеству и по русски Романовичъ, отличался степенностью, вѣжливостью въ обращеніи и аккуратностью; а потому выборъ Льва Николаевича палъ на него между всѣми Башкирами деревни Каралыка. Кочевка его внутри отличалась чистотой и изяществомъ и всѣ мы ходили къ нему не только пить кумысъ, но посидѣть и побесѣдовать. По серединѣ кочевки на землѣ лежалъ коверъ, а на немъ подушки; съ боку стоялъ небольшой столъ съ двумя стульями. Все это предназначалось для насъ. На рѣшетчатой стѣнѣ висѣло разукрашенное сѣдло. Одинъ бокъ кочевки былъ